

АРХЕОЛОГИЯ

УДК 902.3 ББК 904 DOI 10.25986/IRI.2021.85.3.008

А. А. Беляев

Институт археологии РАН, Москва, Россия. labeliaev@bk.ru

А. Л. Корзинин

СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия. alex.kor77@gmail.com

НАДГРОБИЕ СТАРИЦЫ АНФИСЫ ГОДУНОВОЙ В ПОДКЛАТЕ СМОЛЕНСКОГО СОБОРА НОВОДЕВИЧЬЕГО МОНАСТЫРЯ

В статье предпринята попытка идентификации личности Анфисы Годуновой, старицы Новодевичьего монастыря, похороненной в обители в начале XVII в. На основе изучения надгробия иноки, данных из вкладных книг, синодиков, родословцев, разрядных книг рассмотрены семейные и родственные связи Анфисы Годуновой, определены время ее рождения и дата смерти, светское и иноческое имена. Авторы приходят к выводу, что в миру Анфиса Годунова носила имя Анна и являлась старшей дочерью М. М. Булгакова-Денисьева и его жены Ирины, женой Петра Васильевича Асанова Годунова, четвероюродного брата Бориса Годунова. Обстоятельства и причины ухода Анны Михайловны (Анфисы) в обитель изучены в контексте связей женской половины рода Годуновых с Новодевичьим монастырем, роли монастыря в политической истории Русского государства конца XVI в.

Ключевые слова: монастырская археология, некрополь, ономастика, генеалогия, поминальные вклады, Годуновы, Русское государство XVI в.

Исследование выполнено в рамках темы НИОКТР АААА-А18-118021690056-7 (А. А. Беляев) и при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-18-00247 «Двор русских княгинь в системе властных структур Древней Руси и Западной Европы в период Средневековья и раннего Нового времени (XI–XVI вв.)» (А. Л. Корзинин).

В ходе археологических работ 2017–2020 гг. по подготовке к празднованию 500-летия Новодевичьего монастыря экспедиции Института археологии РАН впервые удалось подробно изучить мемориальные объекты в подклете Смоленского собора. Многие из них требуют отдельного разбора (два примера уже опубликованы, см.: [Беляев, Шокарев, Шуляев; Беляев, Топычканов]). Надгробие старицы Анфисы – третье среди них. В общем обзоре оно упомянуто (см.: [Беляев, Григорян, Шуляев, с. 118, примеч. 23]), но связанные с ним вопросы не решены. Им и посвящена данная статья. Существование предварительного обзора избавляет нас от необходимости рассказывать о работах в подклете и характеризовать публикации наших предшественников, поэтому начнем *in medias res*.

Плита, которой мы будем заниматься, известна науке очень давно, с XVIII в. Она вошла в число тех плит, надписи с которых, скопированные еще для академика Г. Ф. Миллера (к тому

времени умершего), были в 1791 г. изданы «Древней российской вивлиофикой» (далее – ДРВ)¹. Среди этих надписей (из 35 прочтено было не более 20) была и наша. Правда, с неверно прочтенной фамилией погребенной (как «Панова»), зато с указанием даты: 1606 г.

Текст повлиял на исследователей и реставраторов подклета 1880-х гг., а их данными пользовались авторы «Московского некрополя»². Они дополнили чтение (погребенная оказалась схимницей и старицей), но повторили ту же неверную версию фамилии.

Через полвека сотрудник ГИМ В. Б. Гиршберг, тщательно проверив надписи подклета *de visu*, изменил чтение фамилии на «Годунова». При этом он указал гораздо более раннюю дату – 1595 г. (см.: [Гиршберг, с. 44–45, № 94]). В особой статье 1990-х гг., посвященной некрополю в подклете, О. А. Трубникова вернулась к дате смерти, указанной в ДРВ (1606 г.). К достоинствам ее публикации относится впервые представленная читателю графическая схема (на ней плита старицы Анфисы обозначена под № 17), а также описание орнамента на боковых гранях («косая насечка»), пусть и неполное – в XX в. грани были доступны обозрению лишь частично, низ плиты закрывал пол [Трубникова, с. 110]. Видимо, О. А. Трубникова, как до нее авторы «Московского некрополя», учла список и план, снятый при реставрации подклета 1880-х гг.

В результате к началу наших работ некоторые данные о плите в литературе имелись. Но не было опубликовано ни фотографий ее, ни прорисовок. Не был описан археологический контекст. Не была точно установлена дата. И главное, не было никаких данных о личности усопшей, кроме тех, какие можно прочесть на самой плите. Фамилия Годунова привлекала особое внимание, поскольку связь их семьи и монастыря в конце XVI – XVII в. с обителью хорошо известна. Дополнительное обращение к памятнику и источникам позволило детально описать объект, поместить его в контекст и раскрыть происхождение старицы «Онфисы Годуновой».

Плита (обозначена в отчете об археологических работах как Объект № 66) лежит в простенке между северной парой опорных столбов, ближе к линии их северного края, практически упиравшись изголовьем в восточный фас северо-западного столба (Рис. 1 и 2). По-видимому, ее не передвигали и она по-прежнему накрывает собой могилу – во всяком случае, под ней отчетливо читаются края ямы, пробитой непосредственно в фундаментной ленте (Объект № 85). Укладку этой ленты можно датировать по другим врезанным в нее или повредившим ее края погребениям. Самый ранний из саркофагов с надписями, которые затронули края лент, принадлежал казненному Грозным князю И. И. Кубенскому и появился не позднее 1547 г. С севера плита лежит ближе всего к четвертому саркофагу из серии погребений семьи князей Кубенских, к сожалению, безымянному. Отметим, что могилу также врезали в фундаментную ленту, затронув ее край. В центральном проходе, то есть к югу от плиты, начинается некрополь семьи князей Воротынских, надгробия которых относятся к XVII в. (здесь на них не останавливаемся). Кроме могилы старицы, в том же простенке была врублена в фундамент еще одна, с южного края ленты, но она не сохранила надгробия, и кто в ней похоронен – пока неизвестно. Отметим, что принятая для работ в подклете методика не предусматривала вскрытий с целью изучения самих погребений, поэтому ни одна из упоминаемых могил не исследовалась ниже уровня надгробия, и у нас нет достоверных сведений о саркофагах в них – вероятнее всего, их не было и останки лежат в деревянных колодах или гробах.

¹ «7115 (1606) декабря 11 инока схимница старица Анфиса Панова» (Надписи, находящиеся в Новодевичьем монастыре в церквах и в разных местах над умершими // Древняя российская вивлиофика. СПб., 1791. Ч. 19. С. 299).

² «Анфиса Панова, инока, схимница, старица, ум. 11 декабря 7115 (1606) г., на память преподобного Даниила Столпника» (Московский некрополь / Николай Михайлович, вел. кн. (автор предисл. и изд.); Саитов В. И., Модзалевский Б. Л. СПб., 1907. Т. 1. С. 281).

Надгробная плита изготовлена из традиционного материала (светлый мягкий известняк) и оформлена обычным для последней трети XVI и особенно первой трети XVII в. образом (Рис. 3а). Это трапециевидный в плане камень, слабо суженный к ногам, не слишком высокий. Базовые элементы антропоморфной композиции на лицевой грани образованы лентами плетенки («жгут», «косички»), причем нижний узел сильно сдвинут к ногам для того, чтобы дать место надписи. Верхняя строка разорвана клеймом изголовья, которое имеет форму не полукруга (как сказано у В. Б. Гиршберга), а скорее полной окружности, лишь часть которой скрыта за лентой бордюра (Рис. 3б). Клейма нарезаны вполне привычно, с центром в виде сегнера колес и обводом из того же трехрядного жгута, что тяги и бордюры.

Отметим вполне уникальный элемент, который следует отнести, возможно, не к собственно орнаменту, а к элементам украшения надписи. Это вытянутая «колонка», образованная двумя линиями графьи, между которыми пущены, с неравными промежутками, косые насечки, делящие колонку на 5 долек. Колонка стоит в начале второй строки, занимая всю ее высоту и широкий надстрочный интервал. Возможно, это часть заставки-буквицы, входящая в состав лигатуры из букв начального слова надписи: «Лет(а)».

Камень довольно крупный, хотя и менее массивный, чем бывают часто надгробия середины XVII в.: длина – 149 см, ширина в изголовье – 52 см, в ногах – 41 см; высота – 32 см. На боковых сторонах плиты орнамент из пояса довольно широко расставленных каннелюр («ложки», «арочки»), который сверху и снизу ограничен полосами косой насечки. Традиционных для этого времени поясов крупных треугольников или лент с разгранкой нет (Рис. 4).

Добавим, что сравнительно мелкие и особенно невысокие камни со скромно украшенными боковыми гранями типичны для Новодевичьего монастыря. В подклете это можно объяснить тем, что крупные камни не позволяют свободно перемещаться в тесных проходах и мешают совершать новые захоронения, к тому же их неудобно вносить внутрь. Но и на открытом пространстве здесь встречаются в основном невысокие плиты, боковые грани которых во многих случаях просто гладкие. В монастыре явно существовала своя мастерская камнерезов. Это доказывается находкой камня рубежа XVI – XVII вв., на котором уже выполнен бордюры и внутреннее поле показывает все стадии перехода от графьи к готовому орнаменту (публикация готовится). Кроме того, наблюдаются устойчивые детали в начертании букв, особенно заглавных (см.: [Беляев, 2019]). Допустимо думать, что скромность оформления – общая особенность мастерской, резчики которой могли попросту экономить усилия или сознательно избегать слишком пышных решений. Так или иначе, но по меркам Новодевичьего монастыря камень Анфисы Годуновой – вполне заметное и внушительное изделие.

Надпись – вязь врезными буквами – выполнена твердой, искусной рукой. Высота строк (всего их 8) книзу постепенно уменьшается (от 8,8 до 6,4 см). Возможно, это сознательно примененный прием, но, конечно, бывает и так, что резчик (явно профессионал) не рассчитал длину текста и вынужден экономить место за счет строк и пробелов. В стиле резьбы нет ничего необычного, но она не лишена щегольства, присущего резе Новодевичьего монастыря. Так, буквица числа 7000, *земля*, имеет вытянутую и расширенную книзу ножку, на которой стоит как на подставке (форма, особо присущая на рубеже XVI–XVII вв. именно здешней мастерской). Характерна манера добавлять два штриха к нижней ножке *како* для образования слога «ка». Заглавная *омега* в имени погребенной заметно увеличена в размере и выделена внутри строки, несмотря на отсутствие разбивки на слова. Изысканно решено слово «день»: две традиционно выносные соединенные согласные (*дн*) продолжены в строке двумя мачтами, отвечающими, видимо, *есть* и *ерь*. Рисунок букв, не имеющих закруглений,

несколько рубленный, и литеры напоминают вытянутые прямоугольники, но они шире, а их мачты толще, чем «проволочные», тесно поставленные мачты надписей 1560–1580-х гг. Лигатурами (*ст, ино, ря, ка* и др.) и выносами резчик не злоупотребляет, но и не избегает их.

Перейдем к тексту (Рис. 5 а, б). Он читается довольно уверенно, хотя дату приходится восстанавливать:

ЛЕТ(а) [клеймо] ЗРДІ^Г(о)
ДЕКАБРЯ ВО АІ^АЕ^НЬ
НА ПАМЕ^Г(ь) П(реподо)БНА^Г(о)
ДАНИИЛА СТО^АПНИКА
ПРЕСТАВИ^С(я) РАБА Б(о)ЖИЯ
ИНОКА СКИ^МНИЦА СТА
РИЦА Ω^НФИСА ГО
ДУНОВА

В отношении даты следует заметить, что хорошо видны две первые цифры (ЗР), последнюю мачту можно читать скорее как І, чем как Д; между ними полностью сбита буква, но в конце можно рассмотреть либо І (тогда перед ним поместится еще одна буква – в принципе, любая), либо, учитывая чтение предшественников, мачту от Д (Рис. 6). Резчик плиты пишет Д с хвостиком в верхней части, а здесь его явно нет – так что цифра, видимо, была уменьшенного размера или легированная. При переводе получается либо 1605 г. (в ДРВ – 1606 г., но это, видимо, традиционная ошибка из-за неучета месяца сентябрьского года), либо 1595 г., как у В. Б. Гиршберга. Верно, как покажем, первое – 1605/1606 г. (расхождение на один год в надписях на плитах и сведениях других источников – известный феномен, до конца пока непонятный). С празднованием памяти св. Даниила Столпника указанный день 11 декабря совпадает.

Наш выбор при реконструкции даты, кроме чтения в ДРВ и у В. Б. Гиршберга, определяется и данными письменных источников.

Согласно сведениям из Вкладной книги Новодевичьего монастыря (дошедшей до нас в позднем списке 1674–1675 гг.) инока Анфиса преставилась в обители 12 декабря в день памяти преподобного Спиридона-чудотворца³. Действительно, 12 декабря Церковь празднует день преподобного Спиридона [Сергий (Спасский), 1875, Приложение, с. 4]. В то же время на надгробной плите указано, что Анфиса умерла 11 декабря. Как согласовать эти две даты? Полагаем, что ближе к истине информация на надгробной плите, хотя, конечно, можно допустить, что Анфиса умерла поздним вечером 11 декабря, в ночь с 11 на 12 декабря, поэтому информация из Вкладной книги о дате смерти монахини отчасти верна. Но есть и другое объяснение расхождения дат. День кончины человека мог зависеть не от точного времени смерти, а от часового счета в те времена (новый день начинался с завершения празднования в честь определенного святого и в преддверии празднества следующего за ним великомученика). К примеру, жена Стефана Васильевича Годунова Анастасия (в иночестве Анна) умерла 24 ноября 1595 г. в день памяти святых Климента и Петра Александрийского. Но во Вкладной книге Ипатьевского монастыря указано, что «первой кормъ кормити по инокинѣ Аннѣ на еѣ преставленіе м(еся)ца ноабря въ КД [24] день на памать с(вя)тыя

³ Вкладная книга 1674–1675 (7183) года Московского Новодевичьего монастыря // Источники по социально-экономической истории России XVI–XVIII вв.: из архива Московского Новодевичьего монастыря / Подгот. В. Б. Павлов-Сильванский. М., 1985. С. 177.

великом(у)ч(е)ницы Екатерины»⁴. Поминание великомученицы Екатерины приходилось на 25 ноября, а не на 24 ноября, день смерти Анастасии (в иноках Анны) [Сергий (Спасский), 1875, Приложение, с. 27]. Следовательно, иноки Анфисы, скорее всего, не стало 11 декабря в день памяти Даниила Столпника, в преддверии празднования Спиридона-чудотворца.

По Анфисе в Новодевичьем монастыре был дан большой по тем временам вклад: «300 рублей денег, да образ Пречистые Богородицы оукрашен жемчугом, да кадило серебряное, да стихарь золотной, а всего вкладу в 500 рублей»⁵. Возможно, икона с ликом Богородицы, украшенная драгоценным жемчугом, принадлежала самой Анфисе, поскольку ее мирское имя было тесно связано с культом Богоматери, хотя Богородичные иконы имели широкое распространение среди знати. Память Анфисы Годуновой приходилась на 3 февраля, на день поминания Симеона Богоприимца и Анны-пророчицы⁶. Монашеское имя выбирали, как правило, по первой букве светского имени. Судя по дню поминания иноки Анфисы в Новодевичьем монастыре, она была наречена при крещении в честь святой пророчицы Анны. Совсем не обязательно, чтобы девочку крестили на празднование пророчицы Анны. День памяти – это не день, когда младенца крестили, а его именины, день памяти того святого, во чье имя он был крещен. Сам обряд крещения мог состояться через месяц после этой даты или несколько дней спустя⁷. В связи с этим установить точные даты рождения и крещения Анны не представляется возможным. Вероятно, она родилась в январе и была крещена в феврале в честь пророчицы Анны.

Поминание Симеона Богоприимца и Анны-пророчицы тесно связано с православным праздником Сретения Господня 2 февраля. В этот день новорожденный младенец Христос был принесен Марией и Иосифом в храм в Иерусалиме, где их встретили старец Симеон и вдова Анна-пророчица. На древнерусских иконах, посвященных Сретению, традиционно изображали младенца Христа на руках Богородицы либо Симеона Богоприимца, а рядом с ними помещали фигуры Иосифа и Анны-пророчицы. В праздник Сретения прославляют Господа Иисуса Христа и Пресвятую Богородицу. В церкви Живоначальной Троицы Ипатьевского монастыря, родовой обители Годуновых, в 1595 г. среди прочих икон упоминался «Образ Симеонъ Богоприимецъ и Анна Пророчица, пядница меншая, да 4 камени червцы, цата серебряна»⁸.

Можно предположить, что Анна взяла себе монашеское имя в честь святой великомученицы Анфисы Новой, память которой отмечается 27 августа, в канун празднования памяти Анны-пророчицы (28 августа) [Сергий (Спасский), 1876, с. 225]. Такой случай, когда день памяти тезоименитой святой, в честь которой выбирается иноческое имя, находится поблизости от дня празднования небесной покровительницы, встречается довольно редко. Чаще всего в эту эпоху при пострижении имя старались подобрать по первой букве крестильного имени [Успенский, Успенский, с. 238–239]. Кроме того, иноческое имя могло выбираться по тому святому, чья память праздновалась в день пострижения. Бывало, что первые буквы иноческого и крестильного имени не совпадали. Это могло происходить, если имя в схиме выбиралось в честь какой-либо почитаемой родственницы, ранее принявшей постриг под этим же именем. Например, царица Ирина Федоровна Годунова, родная сестра Б. Ф. Годунова, в схиме стала Александрой по первой букве крестильного имени (Ирину нередко называли Ориной, Ариной). Вторая жена Дмитрия Ивановича Стефанида-Матрона, тетка Ирины, постригшаяся в Новодевичьем монастыре уже после Ирины (Арины) Годуновой, в иночестве предпочла называться Александрой в честь своей венценосной племянницы [Литвина, Успенский, 2018,

⁴ Костромской музей-заповедник. КМЗ–КОК–24010. Л. 18 об.

⁵ Вкладная книга 1674–1675 (7183) года Московского Новодевичьего монастыря. С. 177.

⁶ Там же. С. 184.

⁷ Авторы выражают искреннюю признательность Ф. Б. Успенскому за ценную консультацию по вопросам имянаречения в XVI в.

⁸ Переписные книги Костромского Ипатьевского монастыря 1595 года / Сост. М. И. Соколов. М., 1890. С. 6.

с. 67–68]. Соломония Сабурова, для пострижения и добровольного ухода из мира которой предположительно и был возведен Новодевичий монастырь [Зимин, с. 294–295; Кавельмахер, с. 156–157; Назаров, Рыков, с. 269; Филюшкин, с. 273–274; Морозова, с. 143–145], в схиме стала Софией, вероятно, в память о своей свекрови Софье Палеолог. Соломонида Сабурова получила при крещении имя в честь Соломонии Макковой⁹ [Петров, 2010; Петров, 2016, с. 75]. В православном календаре день празднования святой мученицы Соломонии Макковой, ее сыновей и учителя их Елиазара приходится на 1 августа [Сергий (Спасский), 1876, с. 201]. Любопытно, что день празднования Софии в именованном находилась поблизости от поминания ветхозаветной Соломонии. Один из дней памяти святых мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии приурочен к 30 июля, то есть празднуется в преддверии чествования Соломонии и ее детей [Сергий (Спасский), 1876, с. 200]. Мы не располагаем данными о том, что Соломонида Сабурова праздновала именины на Софью. Однако монахини, как правило, отмечали именины по той святой, в честь которой они были крещены, а не пострижены [Литвина, Успенский, 2018, с. 67, примеч. 9]. Можно предположить, что в XVI в. при выборе монашеского имени великие княгини, а также боярыни, женщины из правящей элиты, не только стремились подобрать созвучное их крестильному иноческое имя (первые буквы должны были совпадать), но и искали новое имя в православном именованном рядом с именинами их тезоименитой святой. Выбор имени небесной покровительницы, таким образом, не был механическим, а являлся результатом осознанного поиска и индивидуальных предпочтений черницы.

Кем же была Анфиса, в миру Анна Годунова, есть ли возможность ее идентифицировать? Известно, что Аннами звали жен Андрея Никитича Годунова, Петра и Никиты Васильевичей Асановых Годуновых¹⁰ [Веселовский, с. 90]. Сохранились упоминания о щедрых вкладах Анны Ивановны, жены Никиты Васильевича Годунова, в костромской Ипатьевский монастырь по мужу, в иночестве Нифонте, по себе и по своим родителям¹¹. Однако в монашестве Анна Годунова выбрала себе имя Александра, а не Анфиса. Согласно записи во Вкладной книге Ипатьевского монастыря, 3 октября 1637 г. Алексей Никитич Годунов похоронил в обители свою мать боярыню Анну Ивановну, в иночестве Александру, дав вкладом по ней 50 руб. и ценные предметы¹². Другая Анна, жена Андрея Никитича Годунова, приняла схиму в Новодевичьем монастыре и в иночестве также взяла себе имя Александра. Во Вкладной книге Троице-Сергиева монастыря записан ее вклад от 26 июня 1625 г.: «Дала вкладу Андреевская жена Годунова Нового девичьего монастыря старица Александра красные соли 698 пуд 2 четверти по цене 39 рублей»¹³. Наконец, третья Анна, дочь Михаила Матвеевича Булгакова-Денисьева, вдова Петра Васильевича Годунова, в 1599/1600 г. дала Чудову монастырю жеребей села Нармачь с деревнями и пустошами во Владимирском уезде¹⁴.

В синодике Костромского Ипатьевского монастыря второй половины XVII в. в роду Петра и Никиты Васильевичей Годуновых последовательно записаны имена их родных и близких родственников, которых было приказано поминать: «Димитріа, Василіа, Михаила, Карпа, Василіа, МареманѸ, інока Іосифа, інока Перфириа, Нестора, інокѸ МарфѸ, інокѸ ЕленѸ, Семиона, НикитѸ, Іосифа, Афанасіа, Ксенію, Марію, НеонилѸ, інокѸ АкилинѸ, Феодота млад, Наталію млад, Феодора, ПелагѸю млад, АндрѸа млад, Терентіа млад, інокѸ АнфисѸ, інока Нифонта»¹⁵ (Рис. 7).

⁹ ПСРА. М., 1965. Т. 30. С. 141.

¹⁰ Архив РАН. Ф. 620 (Научные труды и материалы к ним С. Б. Веселовского). Оп. 1. Д. 41. Л. 374 об.

¹¹ Костромской музей-заповедник. КМЗ–КОК–24010. Л. 20–21 об., 23.

¹² Там же. Л. 37 об.

¹³ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Изд. подгот. Е. Н. Клитина, Т. Н. Манушина, Т. В. Николаева. М., 1987. С. 122.

¹⁴ Антонов А. В. Вотчинные архивы Московских монастырей и соборов XIV – начала XVII века // Русский дипломатарий. М., 1997. Вып. 2. № 329. С. 122.

¹⁵ Костромской музей-заповедник. КМЗ–КОК–24534. Л. 29.

Во Вкладной книге Ростовского Борисоглебского монастыря отмечено, что 18 января 1606 г. дала монастырю Анна Михайловна, жена Петра Годунова, «Крест серебрян с мощми позолоченъ да у тово жъ Креста 10 жемчюговъ. Да образъ страстерьпы Борис и Глѣбъ с приписми обложен серебром позолоченъ да 5 цаць серебряны позолочены. Да пелена у образа камка черевчата, крест шить серебромъ, обложена отласъ зеленъ да пред образомъ свеча писана да стихарь, камка бела Ердань, отлас золотной і перерукавие» и за тот вклад «Анну поминати, во иноцех Анфису, и родители ее написати в сенадики»¹⁶. Анна, дочь Михаила Булгакова, жена Петра Годунова, упоминается в одной земельной тяжбе, имевшей место при царе Федоре Ивановиче¹⁷. Следовательно, Анфиса была урожденной Анной Михайловной Булгаковой-Денисьевой, происходила из древнего рязанского боярского рода и приходилась женой Петру Васильевичу Асанову Годунову, четвероюродному брату царя Бориса Федоровича Годунова. Отцом Анны являлся Михаил Матвеевич Булгаков. Анна была его старшей дочерью. Младшая дочь М. М. Булгакова Мария (по данным А. В. Антонова, она умерла 11 августа 1631 г.) вышла замуж за Василия Степановича Волинского¹⁸ [Антонов, с. 247]. Василий Волинский был зачислен в выборные дворяне из Мещевска с окладом в 600 четвертей в 1588/1589 г. [Станиславский, с. 241]. 4 октября 1591 г. по Ирине, матери Анны и Марии, дал в Троице-Сергиев монастырь П. В. Асанов Годунов на помин ее души 50 руб.¹⁹ Супруга М. М. Булгакова Ирина (в иноках Ираида) умерла 27 сентября 1590 г. и похоронена в Троице-Сергиевом монастыре²⁰.

Первое упоминание на службе М. М. Булгакова относится к периоду между 1538 и 1547 гг., когда он получил кормленную грамоту на волость Ангасарь (Янгасарь) Вологодского уезда с правдой. 28 марта 1553 г. М. Булгакова пожаловали волостью Лес Клинский в Бежецком Верхе²¹ [Пашкова, с. 170]. В 1550 г. Михаил был зачислен в тысячу «лучших слуг» Ивана Грозного и записан в Тысячной книге среди детей боярских 3-й статьи из Рязани. Вероятно, Михаил Матвеевич получил поместье в Подмосковье (в 100 четвертей доброй земли) благодаря реализации Тысячной реформы, поскольку по Дворовой тетради 1553/1554–1560 гг. он записан среди дворовых детей боярских из Москвы²². Последнее упоминание на службе Михаила Булгакова относится к сентябрю 1562 г. В 1561/1562 г. он служил головой в Велиже. В 1562 г. в походе из Великих Лук в Литовскую землю упоминался вторым воеводой²³. В Полоцком походе в сентябре 1562 г. должен был явиться на службу из Велижа, указан дозорщиком и прибранным в ясаулы²⁴. Поскольку возраст поступления на службу в XVI в. дворянина составлял приблизительно 15–17 лет, то к 1538 г., времени назначения волостелем в Вологодский край, Михаил уже достиг призывного возраста. Его отец Матвей Булгак в апреле 1498 г. был боярином у великого князя Рязанского Федора Васильевича. В 1503 г. Булгак перешел на великокняжескую службу и упоминался в источниках до 1519/1520 г.²⁵ [Антонов, с. 246–247]. Следовательно, Михаил Матвеевич появился на свет до 1520 г. В 1562 г. Булгакову

¹⁶ Титов А. А. Вкладные и кормовые книги Ростовского Борисоглебского монастыря в XV, XVI, XVII и XVIII столетиях. Ярославль, 1881. С. 32.

¹⁷ Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века / Сост. А. В. Антонов. М., 2002. Т. 3. № 542. С. 465.

¹⁸ Записные вотчинные книги Поместного приказа 1627–1657 гг. / Под ред. А. В. Антонова, А. Береловича, В. Д. Назарова. М., 2010. С. 371.

¹⁹ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 108.

²⁰ Список погребенных в Троицкой Сергиевой лавре от основания оной до 1880 года. М., 1880. С. 13.

²¹ Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII в. / Сост. А. В. Антонов. М., 1998. Т. 2. № 123, 124. С. 125.

²² Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. / Подгот. к печати А. А. Зимин. М.; Л., 1950. С. 72, 127.

²³ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 196, 197; Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1978. Т. 1. Ч. 3. С. 464.

²⁴ Книга Полоцкого похода 1563 г. (Исследование и текст) / Подгот. текст К. В. Петров. СПб., 2004. С. 81.

²⁵ АСЭИ. М., 1964. Т. 3. № 320, 323а; Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. Т. 1. Ч. 1. С. 98, 175, 181; Сборник Русского исторического общества. СПб., 1895. Т. 95. С. 18; Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой: 1489–1549 гг. Махачкала, 1995. С. 81; [Антонов, с. 247].

было уже за 40 лет²⁶. Исходя из приблизительных подсчетов, старшая дочь Михаила Анна родилась между 1538 и 1550 гг.

Муж Анны Михайловны П. В. Годунов был младшим сыном Василия Осиповича Асанова Годунова, дворового сына боярского из Костромы, и Евфимии (в иноках Елены)²⁷. Петр начинал службу в Особом дворе Ивана Грозного в 1577–1584 гг. В апреле 1577 г. в чине стольника он упоминался в царском полку в походе в Ливонию. Стольниками в последней четверти XVI в. назначались лица из высших аристократических семей и часто в молодом возрасте [Павлов, 1992, с. 110]. Вероятно, Петру Годунову в 1577 г. было немного за 30 лет. На свадьбе царя Ивана IV и М. Ф. Нагой в сентябре 1580 г. Петр Годунов нес государев каравай, указан стольником. Сидел «на скамье по окошничем» на посольском приеме в Москве в конце 1583 г. В январе 1590 г. в походе из Новгорода на Ругодив и Ивангород назначен головой в государевом полку и в ясаулы. В апреле 1590 г., весной 1591 г. воевода в Болхове. В начале июля 1591 г. командовал передовым полком в рати, отправленной из Серпухова для отражения похода на Москву крымского хана Газы II Гирея. Крымское войско было разгромлено, Петр Васильевич первым среди воевод «украинных городов» был пожалован в награду золотой монетой²⁸ [Мордовина, Станиславский, с. 171]. Упоминался в чине московского дворянина в 1588/1589 г. и в 1598/1599 г. [Станиславский, с. 216, 252]. П. В. Годунов умер в 1599/1600 г., перед смертью приняв иноческий постриг под именем Порфирия²⁹. По данным А. В. Антонова, Петр Васильевич скончался 22 ноября 1599 г. [Антонов, с. 247]. По крайней мере, 18 октября 1599 г. Петр Васильевич был еще жив, когда он дал вкладом в Троице-Сергиев монастырь «денег 50 рублей да аргамак сив с седлом и уздою, да на седле снимальник камка соломянка черевчата»³⁰. Известны щедрый вклад Петра Васильевича в Ипатьевский монастырь: «Ризы камка золотная по червчатой землѣ, оплечье отласъ шолкъ вишневь съ золотомъ и съ серебромъ, около оплечья шита подпись серебромъ по желтой тафтѣ, крестъ и репей тово жъ отласу; опущены тафтою желтою, подложены крашениною лазоревою, подпущены крашениною зеленою»³¹.

После смерти мужа Анна постриглась в Новодевичьем монастыре, где вскоре 11 декабря 1605 г. скончалась. Возникает вопрос: если Анна (в иноках Анфиса) умерла в 1605 г., то как могла она 18 января 1606 г. дать вкладом Ростовскому Борисоглебскому монастырю «Крест серебрян с мощми позолоченъ да у тово жъ Креста 10 жемчужовъ, да образъ страстерпцы Борис и Глѣбъ»? Очевидно, в январе 1606 г. Анфисы уже не было в живых, а заупокойный вклад по ней сделали ее душеприказчики либо кто-то из родственников вскоре после ее кончины³².

²⁶ Примерно к такому же выводу о возрасте М. М. Булгакова пришел А. В. Антонов. Однако историк отдельно не рассматривал биографию отца Михаила Матвея Булгака, полагая, что у Матвея родился сын Михаил в 20-х гг. XVI в., то есть тогда, когда Булгак, видимо, уже умер, в связи с чем его имя исчезает из документов [Антонов, с. 247].

²⁷ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. С. 148; Русский дипломатарий. М., 2004. Вып. 10. С. 97; Переписные книги Костромского Ипатьевского монастыря 1595 года. С. 27.

²⁸ Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1982. Т. 2. Ч. 3. С. 453; М., 1984. Т. 3. Ч. 1. С. 171, 172; М., 1987. Т. 3. Ч. 2. С. 157, 162, 192, 194, 220, 224; *Сторожев В. Н.* Материалы для истории русского дворянства. М., 1908. Вып. 2. С. 57.

²⁹ Вкладная книга 1674–1675 (7183) года Московского Новодевичьего монастыря. С. 202; Антонов А. В. Вотчинные архивы Московских монастырей и соборов XIV – начала XVII века. № 329. С. 122.

³⁰ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 122.

³¹ Переписные книги Костромского Ипатьевского монастыря 1595 года. С. 27, 51.

³² Другой похожий случай относится к князю Ивану Бахтеярову-Ростовскому. Князь И. Ф. Бахтеяров-Ростовский в 1550 г. фигурировал как тысячник 3-й статьи из Ростовских князей, в Дворовой тетради он записан в рубрике «Князи Ростовские» (Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. С. 61, 120). В 1553 г. воевода в Михайловом городе. В 1564/1565 г. второй воевода в Чебоксарском городе. В 1565 г. попал в Казанскую ссылку, был сослан в Чебоксары на воеводство. В 1571 г. был переведен воеводой в Васильгород, где подвергся новой опале (Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 142, 213, 214, 241; [Скрынников, с. 248, 255, 260]). Упоминаются денежные вклады князя Ивана в Троице-Сергиев монастырь. 17 декабря 1550 г. князь И. Ф. Бахтеяров дал Троице-Сергиеву монастырю по отцу иноку Федоте 17 руб. 1 февраля 1551 г. вновь дал по отцу 23 руб. 11 июня 1587 г. «дал вкладу князь Иван Федорович Бахтеяров Ростовской денег 50 рублей, и за тот вклад князь Иван положен в дому Живоначальные Троицы» (Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 56). Последний вклад в июне 1587 г., очевидно, был сделан не самим князем Бахтеяровым, а его родственниками по его душе. Известно по надписи на могильной плите, что князь Иван Федорович Бахтеяров умер в 1580 г. и был похоронен в Троице-Сергиевом монастыре (Список погребенных в Троицкой Сергиевой лавре от основания оной до 1880 года. С. 26).

Подобные примеры заупокойных вкладов, когда вкладчиками указывались уже умершие лица вместо тех, кому было поручено выполнить последнюю волю завещателя (или наоборот – задолго до их смерти³³), иногда встречаются на страницах вкладных книг Троице-Сергиева монастыря и других крупных обителей.

Петр Асанов Годунов был крупным землевладельцем. Он владел вотчинами в Костромском, Владимирском, Московском, Рязанском уездах, поместьями в Московском, Вяземском, Ржевском и Рязанском уездах [Павлов, 1992, с. 188]. В 1593/1594 г. Петр Васильевич приобрел село Бяконтово (Кизликово) с пустошами в Нерехотском стане Костромского уезда. В 1594/1595 г. продал это владение своему могущественному родственнику боярину Д. И. Годунову³⁴. К 1596/1597 г. П. В. Годунов завладел «насилством» половинами сельца Брыкино, селищ Погарнойвского, Чернятно и др. в Медушском стане Владимирского уезда, которые принадлежали В. П. Языкову³⁵. Еще одну вотчину Петр Годунов «отнял насилством» у тещи боярина князя В. В. Голицына³⁶. В приданое Анна и Мария Булгаковы получили от отца Михаила Матвеевича села Дашково, Токарево, Протасово, Ряденки с деревнями Рожок, Клиньское и Киркино и др. в Рязанском уезде [Антонов, с. 247; Павлов, 2019, с. 373, 374]. В 1594–1597 гг. за П. В. Годуновым числились вотчинные земли (очевидно, приданое его жены Анны) в Окологородном стане Рязанского уезда на Мещерской стороне за р. Окой село Дашково, деревня Хвостово, жеребей деревни Спицына Большая на р. Проне, в Ростиславском стане село Огломазовское (Протасовское)³⁷. Кроме этого, П. В. Годунов с братом Никитой владели вотчиной сельцом Поповка в Горетове стане Московского уезда³⁸, землями в Вяземском уезде³⁹. За Петром Годуновым до 1595 г. числились в поместье село Красное с 11 деревнями (140 четв. сред. земли) в Красносельском стане, сельцо в стане Серая сторона, поместное село Ломище Хвостово с 13 деревнями (202 четв. сред. земли) в Волстенском стане Вяземского уезда⁴⁰. П. В. Годунов держал родовые вотчины в Дуплехове стане, в волостях Немда и Слободка Никольская Костромского уезда⁴¹ [Павлов, 2019, с. 285, примеч. 2030]. Известно, что Анна, вдова Петра Васильевича Годунова, в 1599/1600 г. пожаловала Чудову монастырю жеребей села Нармачь с деревнями и пустошами во Владимирском уезде⁴², вероятно, доставшимися ей от мужа.

У Анны Михайловны и Петра Васильевича, судя по всему, детей не было. В семейном родословце Сабуровых и Годуновых конца XVI в., в росписи Годуновых, поданной в Палату родословных дел в 1686 г., других родословцах о детях Анны и Петра ничего не сказано⁴³. В связи

³³ Нередко вклады в монастыри давались родными людьми еще при жизни тех, по ком делался вклад, вероятно, на помин их души [Штайндорф, с. 107–108]. Княгиня-инока Феогнея, жена князя Д. Б. Примкова-Ростовского, умерла 12 февраля 1574 г. и была погребена в Троице-Сергиевом монастыре [Вишневский, с. 95]. Во вкладной книге обители указано, что князь Даниил Ростовский дал «вкладу по княгине своей Феогнисье денег 20 рублей» 3 апреля 1573 г. (Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 56). Княгиня Анна (в иноках Анастасия) Бельская, вдова князя Ф. И. Бельского, умерла 1 июня 1548 г. и была похоронена в подклете Смоленского собора Новодевичьего монастыря [Беляев, Шокарев, Шуляев, с. 85]. А во вкладной книге Троице-Сергиева монастыря записано, что 28 апреля 1534 г. «дал вкладу Иван Федорович Бельской по матери своей иноке Настасьи денег 10 рублей» (Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 90).

³⁴ Антонов А. В. Акты Костромских монастырей и церквей XV – начала XVII веков // Русский дипломатарий. М., 1997. Вып. 1. № 162, 164.

³⁵ Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII в. Т. 2. № 211. С. 195.

³⁶ Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII в. Т. 3. № 542. С. 465.

³⁷ Писцовые книги Рязанского края / Под ред. В. Н. Сторожева. Рязань, 1898. Т. 1. Вып. 1. С. 40, 70, 150, 153, 196, 339; Писцовые книги Рязанского края. XVI век. Рязань, 1996. Т. 1. Вып. 1. С. 40, 70, 150, 153, 196, 339.

³⁸ Писцовые книги Московского государства XVI в. СПб., 1872. Ч. 1. Отд. 1. С. 129.

³⁹ Описание грамот Коллегии экономии / Подгот. А. В. Антонов. М., 2016. Т. 1. № 1713/17. С. 302.

⁴⁰ Писцовые книги Московского государства XVI в. СПб., 1877. Ч. 1. Отд. 2. С. 578–579, 742, 745–746.

⁴¹ ОР РНБ. Эрмитажное собр. № 520. Л. 480 об.–481 об.

⁴² Антонов А. В. Вотчинные архивы Московских монастырей и соборов XIV – начала XVII века. № 329. С. 122.

⁴³ РГАДА. Ф. 181 (Рукописный отдел библиотеки Московского Главного архива Министерства иностранных дел). № 63/86. Л. 66; Архив СПбИИ РАН. Ф. 131. Оп. 1. Д. 109. Л. 106; Родословная книга дворян Российских и выезжих (Бархатная книга). М., 1787. Ч. 1. С. 249.

с отсутствием потомства часть земель при жизни Анна Годунова дала вкладом в монастыри (как в случае с частью села Нармачь), остальные земли, вероятно, наследовались «вотчиками» (родственниками мужа П. В. Годунова, сестры Анфисы Марии Вольнской).

Почему Анфиса выбрала Новодевичий монастырь и почему была похоронена именно в этой обители столицы? Ее могила расположена между родовыми усыпальницами князей Кубенских и Воротынских, принадлежавших к первостатейной знати. Для понимания обстоятельств захоронения Анфисы необходимо затронуть вопрос о женской половине рода Годуновых, избравшей для себя Новодевичий монастырь как место уединения и служения Богу.

Первой из Годуновых в Новодевичий монастырь ушла Анастасия Годунова. Память по иноке Анне, вдове Степана Васильевича Годунова, во Вкладной книге Новодевичьего монастыря приходилась на 30 декабря, на день поминания святой мученицы Анисии⁴⁴. Вероятно, Анастасия в миру носила два христианских имени⁴⁵: одно крестильное, а другое публичное, в честь святой великомученицы Анастасии, празднование которой приходилось на 22 декабря [Сергий (Спасский), 1876, с. 334]. Небесной покровительницей Анастасии являлась святая Анисия Солунская, в честь которой она была крещена [Сергий (Спасский), 1876, с. 339]. Обращает на себя внимание выбор Анастасией-Анисией иноческого имени Анна. Вероятно, она взяла себе имя в честь Анны-пророчицы, матери пророка Самуила, память которой праздновалась 9 декабря [Сергий (Спасский), 1876, с. 325]. Почитание Анны находится в том же временном диапазоне, что и поминание ее двух небесных покровительниц (22 и 30 декабря).

Анастасия была второй женой Степана Васильевича Годунова. Его первую жену звали Пелагея (в сентябре 1580 г. она была приглашена на свадьбу Ивана Грозного и Марии Нагой), третья жена носила имя Евфимия (24 февраля 1598 г. Степан дал на помин ее души в Троице-Сергиев монастырь 100 руб.)⁴⁶. В начале декабря 1595 г. Степан Васильевич приехал в Ипатьевский монастырь и похоронил там жену Анастасию, в иноках Анну, дав обители вкладом на помин ее души 200 руб., о чем сохранилась запись во Вкладной книге Ипатьевского монастыря. Там же записано, что инока Анна умерла 24 ноября в день памяти святой великомученицы Екатерины (в этот день по Анне был установлен первый корм). Второй корм по Анне в Ипатьевском монастыре приходился на 30 декабря, на день поминовения великомученицы Анисии, ее патрональной святой⁴⁷. Судя по всему, Анастасия Годунова была неизлечимо больна, тяжелое заболевание вынудило ее постричься в Новодевичьем монастыре при живом муже незадолго до 24 ноября 1595 г. Ее муж Степан Васильевич Годунов к 31 мая 1584 г. получил боярский чин [Павлов, 1992, с. 46, примеч. 54] и, как родственник правителя Бориса Годунова, в 1595 г. занимал высокое место в придворной иерархии. Однако, несмотря на это, Анастасия не удостоилась чести быть похороненной в Новодевичьем монастыре, а была погребена в родовой усыпальнице Годуновых на территории Ипатьевского монастыря под Костромой.

Вскоре после Анастасии Годуновой схиму в Новодевичьем монастыре приняла царица Ирина Годунова. Это произошло спустя месяц после смерти царя Федора Ивановича 15 января 1598 г.⁴⁸ Ирина Федоровна, очевидно, в своем выборе обители руководствовалась трезвым расчетом. Новодевичий монастырь находился в непосредственной близости (в 3 км) от Московского Кремля, поэтому сохранялась возможность влияния царицы-иноки

⁴⁴ Вкладная книга 1674–1675 (7183) года Московского Новодевичьего монастыря. С. 178.

⁴⁵ О феномене двуименности см.: [Литвина, Успенский, 2018, с. 71–77; Литвина, Успенский, 2019, с. 61–62; Литвина, Успенский, 2020, с. 186–195; Беляев, Шокарев, Шуляев, с. 87].

⁴⁶ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 3. Ч. 1. С. 170; Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 122.

⁴⁷ Костромской музей-заповедник. КМЗ–КОК–24010. Л. 18 об.

⁴⁸ ПСРА. СПб., 1910. Т. 14. С. 49–50.

на государственные дела. Ирина Годунова оставалась формальной наследницей царского престола. В официальных документах она именовалась «государыней царицей и великой княгиней инокой Александрой Федоровной всеа Русии» [Назаров]. У старицы Александры в Новодевичьем монастыре имелся большой штат слуг, были свои собственные покои («Иринины палаты»), домовая церковь во имя Иоанна Предтечи, денежные средства [Назаров, Рыков, с. 276–277]. Во время работы избирательного Земского собора в середине января 1598 г. Новодевичий монастырь стал центром политической жизни Русского государства [Беляев, 2013, с. 189–190; Беляев, Квливидзе, Махонько, Шведова, с. 590]. Борис Годунов продолжительное время находился на территории обители поблизости от сестры. Известно, что делегация депутатов от Земского собора с просьбой об избрании на царский престол Бориса Годунова вначале обратилась к самой царице Ирине. В кульминационный момент деятельности Земского собора 21 февраля 1598 г. к Борису Годунову в Новодевичий монастырь из Успенского собора Московского Кремля состоялся крестный ход во главе с патриархом Иовом, который нес в руках особо почитаемую и чудотворную икону Владимирской Божьей Матери. Ирина Годунова «повелѣ брату своему на царствѣ быти, его же молиша не многъ часть слезами, чтобы не презриль моленія» [Назаров, Рыков, с. 277]. В Смоленском соборе Новодевичьего монастыря Борис Федорович принял избрание на царство. 1 сентября 1598 г. депутаты от Земского собора вновь били челом Ирине Годуновой, царица-инока попросила брата, чтобы он «свершил свое царское достояние», и он ее «послушал». В дальнейшем в течение всего царствования Бориса Годунова день 21 февраля ежегодно отмечался крестным походом от Успенского собора до Новодевичьего монастыря⁴⁹. Кроме этого, брат «къ царицѣ же Александрѣ ѣздиша въ Новой Дѣвичей монастырь по вся дни». По свидетельству современников, Ирина Федоровна была затворницей и не покидала свою келью. В течение семилетнего правления Бориса Годунова Новодевичий монастырь пользовался его особым расположением. На его средства была закончена роспись Смоленского собора⁵⁰. Завершено строительство башен и стены вокруг обители. После смерти сестры Борис Федорович сделал огромные вклады ценных вещей, икон, драгоценных церковных предметов, денег в обитель⁵¹.

Ирина Федоровна скончалась в обители 26 сентября 1603 г. По мнению В. В. Кавельмакера, в отличие от княгини Ульяны Палецкой, для упокоения которой была построена специальная гробница в Смоленском соборе Новодевичьего монастыря, праху Ирины Годуновой достойного свободного места в обители не нашлось [Кавельмакер, с. 176–177]. Полагаем, что место для праха Ирины в подклете Смоленского собора, даже в крипте (под алтарем) храма, конечно же, имелось. Все дело в том, что Ирина была царицей, поэтому ей было уготовано более почетное и достойное место, где хоронили великих княгинь, цариц, жен великих князей Владимирских и Московских и русских царей, – в Вознесенском соборе Московского Кремлевского Вознесенского монастыря. Именно там и была погребена со всеми почестями Ирина Годунова⁵².

Важно, что вместе с Ириной в стенах Новодевичьего монастыря с 1599/1600 г. находилась ее родственница Анфиса Годунова. Она приняла постриг позже Ирины. На выбор Анны (в иноках Анфисы) Новодевичьего монастыря могло повлиять решение постричься в монастыре Анастасии (виноках Анны) Годуновой (муж Анастасии Степан Васильевич был четвероюродным братом Петра Васильевича Асанова, мужа Анфисы) и, более чем вероятно, уход в монастырь Ирины Годуновой (которая приходилась П. В. Годунову четвероюродной сестрой). Авторитет

⁴⁹ Там же. С. 50.

⁵⁰ ПСРА. М., 1978. Т. 34. С. 202.

⁵¹ Вкладная книга 1674–1675 (7183) года Московского Новодевичьего монастыря. С. 81–91.

⁵² Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля. Материалы исследований. В 4 томах. М., 2018. Т. 3. Ч. 2. Погребения XVI – начала XVII века. С. 281–341.

венценосной родственницы Анфисы Ирины Федоровны, потратившей немало средств на обитель (да и сам вклад в монастырь по душе Ирины Бориса Годунова составлял 1 тыс. руб., не считая множества драгоценных предметов⁵³), вероятно, сыграл решающую роль в погребении в подклете Смоленского собора Анны (Анфисы) Михайловны, которая на несколько лет пережила царицу-иноку. Анфисе могла помочь и Стефанида-Матрона Годунова, родная тетья Ирины, которая под именем Александры стала черницей Новодевичьего монастыря в 1605 г., незадолго до кончины Анфисы. Память иноки схимницы Александры, Дмитриевой жены Годунова приходилась на 9 ноября, на день святых мучеников Анисифора и Порфирия⁵⁴, «вкладу по ней дано 100 рублей, да 70 рублей колокол да пятеры ризы»⁵⁵. На преставление схимницы Александры 31 июля (в день предпразднества Честного и Животворящего Креста Господня и святого праведника Евдокима) было вложено в обитель 100 руб., «да по ней же колокол 70 рублей, ризы, да стихарь, да крест золот с камением и с мощми 50 рублей, да другие ризы, да стихарь»⁵⁶. Стефанида-Матрона приняла схиму после смерти в начале 1605 г. своего мужа Дмитрия Ивановича Годунова, боярина, родного дяди Б. Ф. Годунова⁵⁷ [Павлов, 1992, с. 65, 67]. Она продолжала жить в обители еще в 1627/1628 г. Во Вкладной книге Троицкого Калязина монастыря указано: «Во 136 году дала вкладу Новодевичья монастыря старица Александра Дмитриевская жена Годунова пятьдесят рублей денег»⁵⁸. Данных о месте захоронения Стефаниды-Матроны до нас не дошло. Скорее всего, Стефанида была погребена не в Новодевичьем монастыре⁵⁹ [Трубникова; Беляев, Григорян, Шуляев].

Из женской половины рода Годуновых, принявшей иноческий постриг в обители на Девичьем поле, навеки остаться там удалось лишь одной Анфисе Годуновой. В отличие от Анастасии (Анны) и Стефаниды-Матроны (Александры), Анна (Анфиса) не была боярыней, однако родственные связи с царицей-инокой Ириной Годуновой и ее тетей Стефанидой-Матроной, вероятно, сыграли решающую роль в исполнении ее желания упокоиться в главной святыне Новодевичьего монастыря соборном храме Смоленской иконы Божьей Матери.

⁵³ Вкладная книга 1674–1675 (7183) года Московского Новодевичьего монастыря. С. 81–91.

⁵⁴ Согласно наблюдениям А. Ф. Литвиной и Ф. Б. Успенского, на 9 ноября приходилась память преподобной Матроны Царегородской, в честь которой Стефанида получила свое крестильное имя [Литвина, Успенский, 2018, с. 75].

⁵⁵ Вкладная книга 1674–1675 (7183) года Московского Новодевичьего монастыря. С. 173.

⁵⁶ Там же. С. 206.

⁵⁷ Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 122; Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века / Сост. А. В. Антонов. М., 2008. Т. 4. № 527. С. 438–439.

⁵⁸ Кормовая книга Колязина монастыря / Сост. И. А. Иванов. Тверь, 1892. С. 26.

⁵⁹ Надписи, находящиеся в Новодевичьем монастыре в церквах и в разных местах над умершими. С. 293–304.

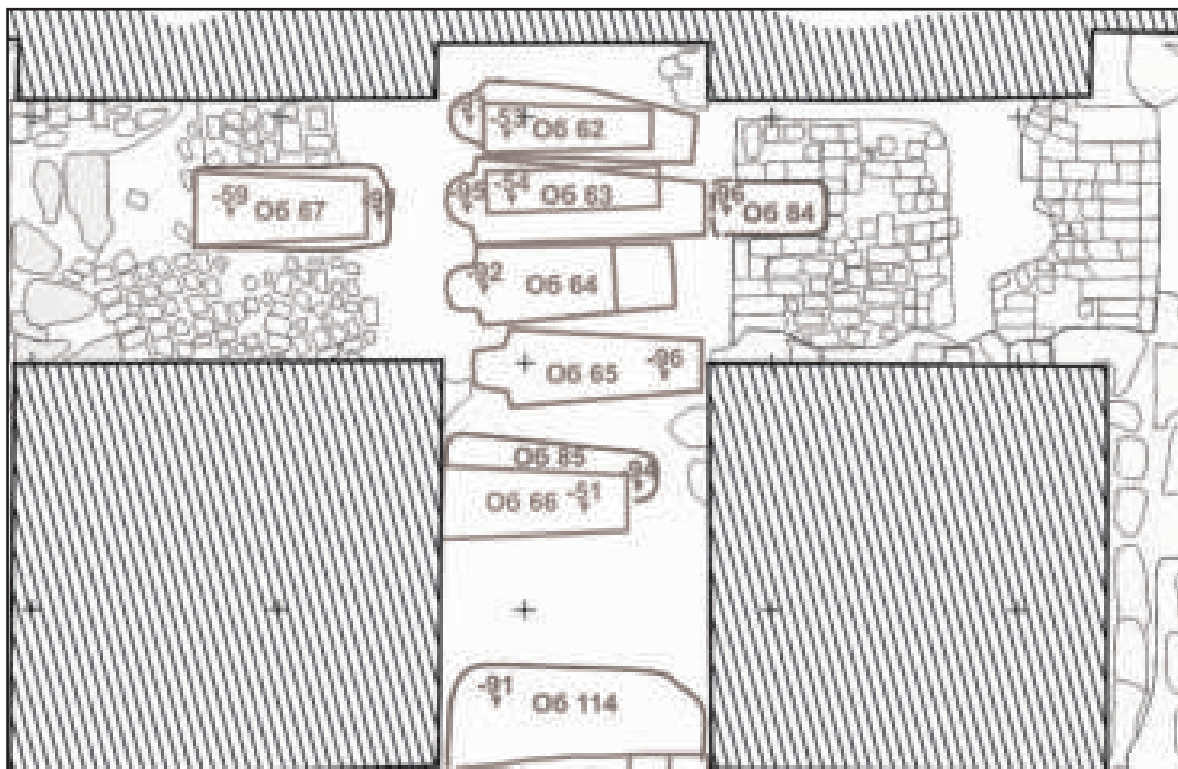

Рис. 1. Часть плана Смоленского собора с указанием погребальных объектов: 62 – плита и саркофаг княгини Ульянии Кубенской, 1537 г.; 63 – плита и саркофаг князя И. И. Кубенского, 1547 г.; 64 – саркофаг княгини Александры Кубенской, 1551 г.; 65 – безымянный саркофаг; 66 и 85 – плита и могила Анфисы Годуновой, 1605 г.; 67 – плита княгини Турунтаевой-Пронской, 1570 г.; 84 и 114 – безымянные могилы в краях фундаментных лент

Рис. 2. Надгробие Анфисы Годуновой (на первом плане) между северными опорными столбами подклета, вид с юга. На втором плане – саркофаги и надгробия семьи князей Кубенских.

Рис. 3. Надгробие Анфисы Годуновой: а - общий вид лицевой грани; б - верхняя строчка надписи.

Рис. 4. Надгробие Анфисы Годуновой, общий вид с юга.

Рис. 5. Надгробие Анфисы Годуновой: часть надписи с указанием года смерти.

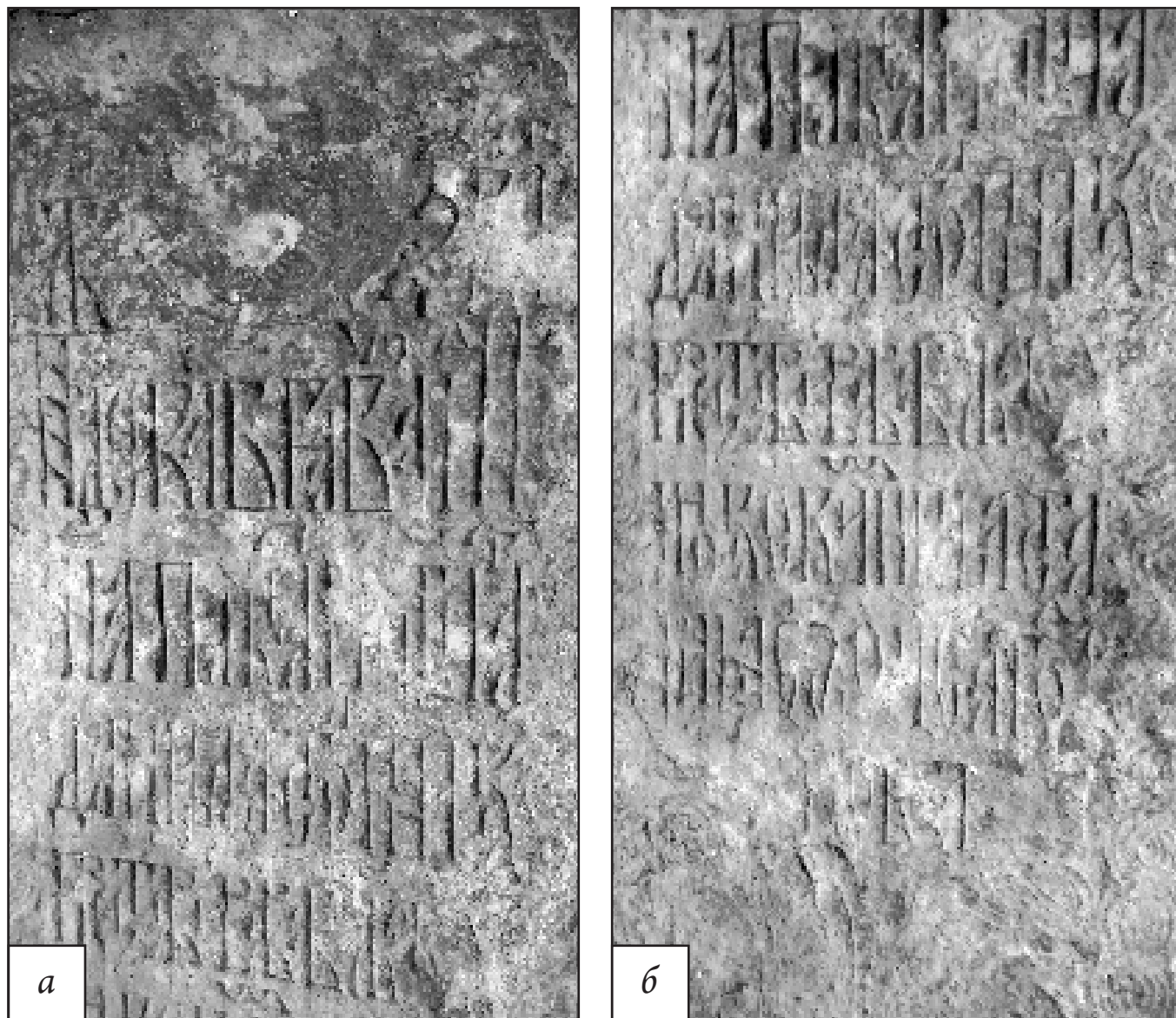

Рис. 6. Надгробие Анфисы Годуновой, надпись: а – верхняя часть; б – нижняя часть

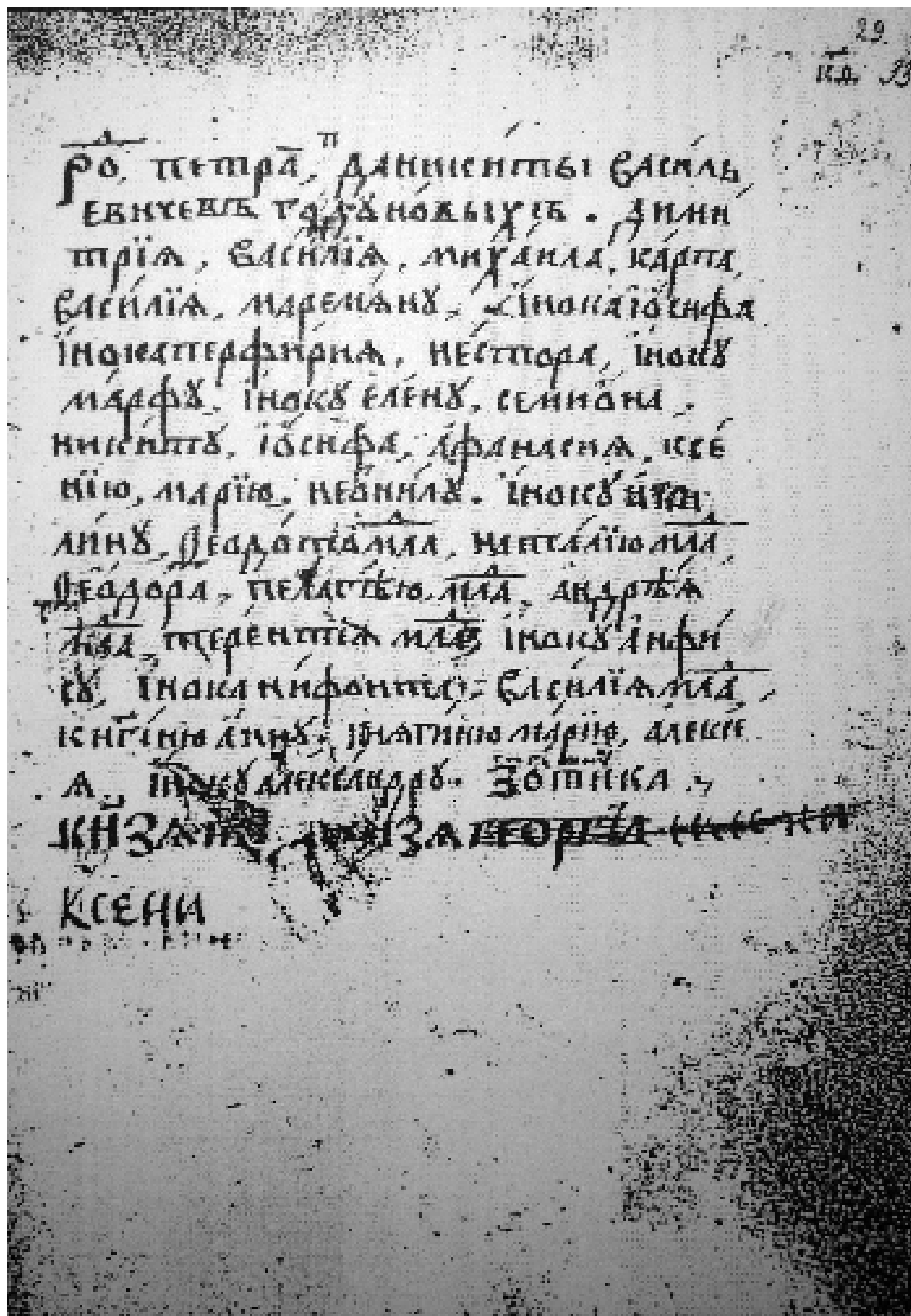

Рис. 7. Запись в синодике Костромского Ипатьевского монастыря второй половины XVII в. о поминании рода Петра да Никиты Васильевичей Годуновых (Костромской музей-заповедник. КМЗ-КОК-24534. Л. 29).

Литература

- Антонов А. В. Две кормленные грамоты Денисьевых // Русский дипломатарий. М., 2001. Вып. 7. С. 246–250.
- Беляев Л. А. Новодевичий монастырь // Большая Российская энциклопедия. М., 2013. Т. 23. С. 189–191.
- Беляев Л. А. 7000 лет и деловые пометки: к палеографии надгробий Москвы XVI – начала XVII века // Звучат лишь Письмена. К юбилею А. А. Медынцева. М., 2019. С. 76–88.
- Беляев Л. А., Топычканов А. В. Надгробие Ф. А. Голицыной и другие плиты князей Голицыных XVI–XVII в. в Новодевичьем монастыре // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 2 (80). С. 91–108.
- Беляев Л. А., Григорян С. Б., Шуляев С. Г. Некрополь Смоленского собора Новодевичьего монастыря XVI–XVII вв. Исследования 2017–2018 г.: методы и результаты // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 4 (78). С. 112–127.
- Беляев Л. А., Шокарев С. Ю., Шуляев С. Г. Саркофаг княгини Анастасии Бельской в подклете Смоленского собора Московского Новодевичьего монастыря // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2020. № 4 (82). С. 83–98.
- Беляев Л. А., Квливидзе Н. В., Махонько М. А., Шведова М. М. Новодевичий монастырь // ПЭ. М., 2018. Т. 51. С. 588–606.
- Веселовский С. Б. Из истории древнерусского землевладения: Род Дмитрия Александровича Зернова (Сабуровы, Годуновы и Вельяминовы-Зерновы) // Исторические записки. М., 1946. Т. 18. С. 56–91.
- Вишневецкий В. И. Новые находки надгробий князей Ростовских в средневековом некрополе Троице-Сергиева монастыря (материалы археологических наблюдений 2007 года) // История и культура Ростовской земли. 2010. Ростов, 2011. С. 92–101.
- Гириберг В. Б. Материалы для свода надписей на каменных плитах Москвы и Подмосковья XIV–XVII вв. Часть I. Надписи XIV–XVI вв. // Нумизматика и эпиграфика. М., 1960. Т. 1. С. 3–77.
- Зимин А. А. Россия на пороге Нового времени: (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972. 452 с.
- Кавельмахер В. В. Когда мог быть построен собор Смоленской Одигитрии Новодевичьего монастыря? // Новодевичий монастырь в русской культуре. Материалы научной конференции 1995 г. М., 1998. С. 154–179.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Манифестация связи с правящим домом в женских именах: ранние Романовы и семья Дмитрия Годунова // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 4 (74). С. 63–79.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. К уточнению имен и дат в семье царя Федора Ивановича // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 1 (75). С. 61–66.
- Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б. Подлинные и мнимые имена Бориса Годунова // Slověne. 2020. Т. 9. № 1. С. 185–231.
- Мордовина С. П., Станиславский А. А. Состав Особого двора Ивана IV в период «великого княжения» Симеона Бекбулатовича // АЕ за 1976 год. М., 1977. С. 153–193.
- Морозова Л. Е. Женщины и власть в Московском царстве XV – начала XVII в. М., 2018. 542 с.
- Назаров В. Д. Годунова // Большая Российская энциклопедия. М., 2007. Т. 7. С. 297.
- Назаров В. Д., Рыков Ю. Д. Новодевичий монастырь: Введение // Акты Российского государства. Архивы Московских монастырей и соборов XV – начала XVII вв. М., 1998. С. 267–292.
- Павлов А. П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб., 1992. 279 с.
- Павлов А. П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование: в 2 т. СПб., 2019. Т. 2. 623 с.
- Пащикова Т. И. Местное управление в Русском государстве первой половины XVI века (наместники и волостели). М., 2000. 215 с.
- Петров А. С. Иконографическая программа пелен Софьи Палеолог и Соломонии Сабуровой и их место в убранстве Троицкого собора Троице-Сергиева монастыря // Церковное шитье в Древней Руси. М., 2010. С. 236–239.
- Петров Д. А. Отражение в церковном строительстве 1510–1520-х гг. присоединения Василием III Пскова и Смоленска // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия V: Вопросы истории и теории христианского искусства. 2016. Вып. 4 (24). С. 67–80.
- Сергий (Спасский), архиеп. Полный месяцеслов Востока. М., 1875. Т. 1. Восточная агиология. 565 с.
- Сергий (Спасский), архиеп. Полный месяцеслов Востока. М., 1876. Т. 2. Святой Восток. 1073 с.
- Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992. 572 с.
- Станиславский А. Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. 506 с.
- Трубникова О. А. История некрополя Новодевичьего монастыря (30-е гг. XVI в. – 30-е гг. XX в.) // Московский некрополь (история, археология, искусство, охрана). М., 1991. С. 106–123.
- Успенский Б. А., Успенский Ф. Б. Иноческие имена на Руси. М.; СПб., 2017. 340 с.
- Филошкин А. И. Василий III. М., 2010. 345 с.

Штайндорф Л. Поминание усопших как религиозная и общественная должность монастырей Московской Руси (на основе материалов из Троице-Сергиева и Иосифо-Волоколамского монастырей) // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России: Материалы Международной конференции, 29 сентября – 1 октября 1998 г. М., 2000. С. 103–116.

References

- Antonov, A. V. Dve kormlennye gramoty Denis'evykh [Two Denisyevs' Feed Charters]. In *Russkii diplomatarii*. Moscow, 2001. Issue 7. Pp. 246–250.
- Belyaev, L. A. Novodevichii monastyr' [Novodevichy Convent]. In *Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya*. Moscow, 2013. Vol. 23. Pp. 189–191.
- Belyaev, L. A. 7000 let i delovye pometki: k paleografii nadgrobii Moskvy XVI – nachala XVII veka [7000 Years and Business Notes: To the Paleography of Tombstones in Moscow of the 16th – Early 17th Century]. In *Zvuchat lish' Pis'mena. K yubileyu A. A. Medyntsevoi*. Moscow, 2019. Pp. 76–88.
- Belyaev, L. A., Topychkanov, A. V. Nadgrobie F. A. Golitsynoi i drugie plity knyazei Golitsynikh XVI–XVII v. v Novodevich'em monastyre [Tombstones of the Princely Family of Golitsin in the Novodevichy Convent (Moscow), 16th – 17th Centuries]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2020. No. 2 (80). Pp. 91–108.
- Belyaev, L. A., Grigoryan, S. B., Shulyaev, S. G. Nekropol' Smolenskogo sobora Novodevich'ego monastyrya XVI–XVII vv. Issledovaniya 2017–2018 g.: metody i rezul'taty [The Grave Vault of the Cathedral of the Novodevichy Convent, 16th – 17th cc.: The Results of Field Research (2017–2018)]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2019. No. 4 (78). Pp. 112–127.
- Belyaev, L. A., Shokarev, S. Yu., Shulyaev, S. G. Sarkofag knyagini Anastasii Bel'skoi v podklete Smolenskogo sobora Moskovskogo Novodevich'ego monastyrya [Sarcophagus of Princess Anastasia Bel'skaya Found in Smolensky Cathedral Funerary Vault of Moscow Novodevichy Convent]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2020. No. 4 (82). Pp. 83–98.
- Belyaev, L. A., Kvlividze, N. V., Makhon'ko, M. A., Shvedova, M. M. Novodevichii monastyr' [Novodevichy Convent]. In *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow, 2018. Vol. 51. Pp. 588–606.
- Filyushkin, A. I. Vasiliy III [Vasily III]. Moscow, 2010. 345 p.
- Girshberg, V. B. Materialy dlya svoda nadpisei na kamennykh plitakh Moskvy i Podmoskov'ya XIV–XVII vv. Chast' I. Nadpisi XIV–XVI vv. [Materials for the Corpus of Inscriptions on Stone Slabs of Moscow and the Moscow Region of the 14th – 17th Centuries. Part I. Inscriptions of the 14th – 16th Centuries]. In *Numizmatika i epigrafika*. Moscow, 1960. Vol. 1. Pp. 3–77.
- Kavel'makher, V. V. Kogda mog byt' postroen sobor Smolenskoi Odigitrii Novodevich'ego monastyrya? [When could the Novodevichy Convent Cathedral of the Smolensk Odigitria have been Built?]. In *Novodevichii monastyr' v russkoi kul'ture. Materialy nauchnoi konferentsii 1995 g.* Moscow, 1998. Pp. 154–179.
- Litvina, A. F., Uspenskii, F. B. Manifestatsiya svyazi s pravyyashchim domom v zhenskikh imenakh: rannie Romanovy i sem'ya Dmitriya Godunova [The Relationship to the Ruling House, as Reflected in Female Personal Names (the Early Romanovs and Dmitry Godunov's Family)]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2018. No. 4 (74). Pp. 63–79.
- Litvina, A. F., Uspenskii, F. B. K utochneniyu imen i dat v sem'e tsarya Fedora Ivanovicha [Names and Dates in the Family of Tsar Fedor Ivanovich]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2019. No. 1 (75). Pp. 61–66.
- Litvina, A. F., Uspenskii, F. B. Podlinnye i mnimye imena Borisa Godunova [The True and Fake Names of Boris Godunov]. In *Slov'ne*. 2020. Vol. 9. No. 1. Pp. 185–231.
- Mordovina, S. P., Stanislavskii, A. L. Sostav Osobogo dvora Ivana IV v period "velikogo knyazheniya" Simeona Bekbulatovicha [The Composition of the Special Court of Ivan IV during the "Great Reign" of Simeon Bekbulatovich]. In *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1976 god*. Moscow, 1977. Pp. 153–193.
- Morozova, L. E. Zhenshchiny i vlast' v Moskovskom tsarstve XV – nachala XVII v. [Women and Power in the Muscovite Kingdom of the 15th – Early 17th Century]. Moscow, 2018. 542 p.
- Nazarov, V. D. Godunova [Godunova]. In *Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya*. Moscow, 2007. Vol. 7. Pp. 297.
- Nazarov, V. D., Rykov, Yu. D. Novodevichii monastyr': Vvedenie [Novodevichy Convent: An Introduction]. In *Akty Rossiiskogo gosudarstva. Arkhivy Moskovskikh monastyrei i soborov XV – nachala XVII vv.* Moscow, 1998. Pp. 267–292.
- Pashkova, T. I. Mestnoe upravlenie v Russkom gosudarstve pervoi poloviny XVI veka (namestniki i volosteli) [Local Government in the Russian State in the First Half of the 16th Century (Governors and Volostels)]. Moscow, 2000. 215 p.
- Pavlov, A. P. Gosudarev dvor i politicheskaya bor'ba pri Borise Godunove (1584–1605 gg.) [The Sovereign's Court and the Political Struggle under Boris Godunov (1584–1605)]. Saint Petersburg, 1992. 279 p.
- Pavlov, A. P. Dumnye i komnatnye lyudi tsarya Mikhaila Romanova: prosopograficheskoe issledovanie [Duma and Indoor People of Tsar Mikhail Romanov: Prosopographic Research]. In 2 vol. Saint Petersburg, 2019. Vol. 2. 623 p.
- Petrov, A. S. Ikonograficheskaya programma pelen Sof'i Paleolog i Solomonii Saburovoi i ikh mesto v ubranstve Troitskogo sobora Troitse-Sergieva monastyrya [Iconographic Program of the Shrouds of Sophia Palaiologos

- and Solomon Saburova and Their Place in the Decoration of the Trinity Cathedral of the Trinity-Sergius Monastery]. In *Tserkovnoe shit'e v Drevnei Rusi*. Moscow, 2010. Pp. 236–239.
- Petrov, D. A. Otrazhenie v tserkovnom stroitel'stve 1510–1520-kh gg. prisoedineniya Vasiliem III Pskova i Smolenska [The Church Building in 1510–1520s as the Reflection of Accession of Pskov and Smolensk by Vasily III]. In *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya V: Voprosy istorii i teorii khristianskogo iskusstva*. 2016. Issue 4 (24). Pp. 67–80.
- Sergii (Spasskii), Archbishop. Polnyi mesyatseslov Vostoka [Full Mesyatseslov of the East]. Moscow, 1875. Vol. 1. Vostochnaya agiologiya. 565 p.
- Sergii (Spasskii), Archbishop. Polnyi mesyatseslov Vostoka [Full Mesyatseslov of the East]. Moscow, 1876. Vol. 2. Svyatoi Vostok. 1073 p.
- Shtaindorf, L. Pominanie usopshikh kak religioznaya i obshchestvennaya dolzhnost' monastyrei Moskovskoi Rusi (na osnove materialov iz Troitse-Sergieva i Iosifo-Volokolamskogo monastyrei) [Commemoration of Deceased as a Religious and Public Responsibility of the Monasteries in Muscovite Russia (Based on Materials from the Trinity-Sergius and Joseph-Volokolamsk Monasteries)]. In *Troitse-Sergieva lavra v istorii, kul'ture i dukhovnoi zhizni Rossii: Materialy Mezhdunarodnoi konferentsii, 29 sentyabrya – 1 oktyabrya 1998 g.* Moscow, 2000. Pp. 103–116.
- Skrynnikov, R. G. Tsarstvo terrora [Reign of Terror]. Saint Petersburg, 1992. 572 p.
- Stanislavskii, A. L. Trudy po istorii gosudareva dvora v Rossii XVI–XVII vekov [Works on the History of the Sovereign's Court in Russia of the 16th – 17th Centuries]. Moscow, 2004. 506 p.
- Trubnikova, O. A. Istoriya nekropolya Novodevich'ego monastyrya (30-e gg. XVI v. – 30-e gg. XX v.) [The History of the Novodevichy Convent Necropolis (1530s – 1930s)]. In *Moskovskii nekropol' (istoriya, arkhologiya, iskusstvo, okhrana)*. Moscow, 1991. Pp. 106–123.
- Uspenskii, B. A., Uspenskii, F. B. Inocheskie imena na Rusi [Monastic Names in Rus]. Moscow; Saint Petersburg, 2017. 340 p.
- Veselovskii, S. B. Iz istorii drevnerusskogo zemlevladieniya: Rod Dmitriya Aleksandrovicha Zernova (Saburovy, Godunovy i Vel'yaminovy-Zernovy) [From the History of Old Russian Land Ownership: The Family of Dmitry Alexandrovich Zernov (Saburovs, Godunovs and Velyaminovs-Zernovs)]. In *Istoricheskie zapiski*. Moscow, 1946. Vol. 18. Pp. 56–91.
- Vishnevskii, V. I. Novye nakhodki nadgrobii knyazei Rostovskikh v srednevekovom nekropole Troitse-Sergieva monastyrya (materialy arkhologicheskikh nablyudenii 2007 goda) [New Finds of the Tombstones of Princes of Rostov in the Medieval Trinity-Sergius Monastery Necropolis (Materials of Archaeological Observations in 2007)]. In *Istoriya i kul'tura Rostovskoi zemli*. 2010. Rostov, 2011. Pp. 92–101.
- Zimin, A. A. Rossiya na poroge Novogo vremeni: (Ocherki politicheskoi istorii Rossii pervoi treti XVI v.) [Russia on the Eve of the New Time: (Essays on the Political History of Russia in the First Third of the 16th Century)]. Moscow, 1972. 452 p.

Leonid A. Belyaev

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Alexandr L. Korzinin

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

TOMBSTONE OF ELDRRESS ANFISA GODUNOVA
IN SMOLENSKY CATHOLICON FUNERARY VAULT OF MOSCOW NOVODEVICHY CONVENT

The paper deals with the identification of the personality of Anfisa Godunova, the eldress of the Novodevichy Convent, buried in the monastery at the beginning of the 17th century. The investigation was based on the study of the nun's tombstone, data from the books of memorial contributions, synodicons, genealogical and military assignment books. There were investigated the family and kinship ties of Anfisa Godunova, the time of her birth and death, secular and monastic names. The authors come to the conclusion that in her private life, Anfisa Godunova bore the name of Anna and was the eldest daughter of M. M. Bulgakov-Denisiev and Irina, the wife of Pyotr Vasilyevich Asanov Godunov, the fourth cousin of Boris Godunov. The circumstances and reasons for departure of Anna (Anfisa) to the monastery are studied in the context of the ties of the female half of the Godunov family with the Moscow Novodevichy Convent, considering the role of the monastery in the political history of the Russian State at the end of the 16th century.

Keywords: monastic archeology, necropolis, onomastics, genealogy, memorial contributions, Godunovs, Russian State of the 16th century

